

XVII ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННОУГРОВЕДОВ

Традиция проведения конференций, объединяющих специалистов в области этнографии, археологии, антропологии, фольклористики, литературоведения финно-угорских народов, восходит к 1940-м годам. В последние десятилетия подобные конференции предваряли международные конгрессы финноугроведов (МКФУ), собиравшиеся каждое пятилетие, и проводились в годы, предшествующие им.

XVII Всесоюзная конференция финноугроведов в этом плане явилась исключением, так как состоялась в июне 1987 г., т. е. через два года после очередного МКФУ (Сыктывкар, СССР, 1985 г.)¹. Местом ее проведения был избран г. Ижевск (Удмуртская АССР), так как подобные конференции традиционно проводились в столицах союзных и автономных республик, а также в городах, где живет основной массив того или иного финно-угорского этноса.

Организаторы конференции — Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, Удмуртский государственный университет имени 50-летия СССР.

В ходе конференции было проведено два пленарных заседания, межсекционное заседание «Этногенез удмуртского народа», работало восемь секций (грамматики, лексикологии и ономастики; фонетики, диалектологии; взаимодействия языков и диалектов; археологии — эпоха камня и раннего железного века; средневековья; антропологии и генетики; этнографии; фольклористики и литературоведения).

На пленарных заседаниях (26 и 29 июня) было заслушано пять докладов. Ю. С. Елисеев (Москва) посвятил выступление современному состоянию и проблемам дальнейшего развития советского финноугроведения в свете решений XXVII съезда КПСС. Директор научно-исследовательского ин-та при Совете Министров Удмуртской АССР К. И. Куликов (Ижевск) охарактеризовал главные этапы работы удмуртских ученых финноугроведов в период между XVI (1979 г.) и XVII всесоюзными конференциями. Об основных достижениях археологов в изучении финноугроведения в 1980-е годы рассказал В. В. Седов (Москва). Проблемам антропологического изучения современных финно-угорских народов посвятили выступление И. М. Золотарева и А. А. Зубов (Москва). В докладе Н. М. Басселя (Таллин) поднимались вопросы общности литератур финно-угорских народов и путей их изучения. П. Алвре (Тарту) избрал для своего выступления тему «О падежах объекта (прямого дополнения) в финно-угорских языках».

В межсекционном заседании «Этногенез удмуртского народа», состоявшемся 26 июня, участвовали археологи, антропологи, этнографы, языковеды. Основные вопросы этногенеза удмуртов (по археологическим материалам) были освещены в выступлении Р. Д. Голдиной (Ижевск). Проблема прародины удмуртов (по данным языка) посвятил доклад М. Г. Атаманов (Ижевск). Об исследованиях средствами одонтологии и дерматоглифики компонентного состава удмуртов и их этногенезе рассказали Г. В. Рыкушина и Н. А. Долинова (Москва). В докладе Г. В. Рыкушиной, построенном на анализе одонтологического материала 12 территориальных удмуртских выборок, показано, что в целом удмурты тяготеют к популяциям западного одонтологического ствола, хотя отмечается и сочетание частот признаков, имеющих «западную» и «восточную» ориентацию. Наиболее близки удмурты с мордвой, коми, наиболее удалены (по статистическим критериям) от хантов. Доклад Н. А. Долиновой содержал дерматоглифическую характеристику восьми территориальных групп. Среди северных

¹ XVII Всесоюзная конференция финноугроведов. Ижевск, 1987. Т. I. II.

групп проявляется сдвиг в европеоидном направлении. В центральных и южных группах удмуртов наблюдается усиление «монголоидного» компонента, что в целом характеризует удмуртов как метисную популяцию, родственную многим этносам Волго-Камья и Приуралья. Н. И. Ш у т о в а (Ижевск) выступила с докладом «Основные этапы этнической истории удмуртов».

27, 28 и 29 июня проходили заседания секций. В данной хронике более подробно мы остановимся на работе секций «Этнография» и «Антропология». На секции «Этнография», одной из наиболее представительных по количеству и составу участников, выступили сотрудники различных учреждений Академии наук СССР, государственных университетов и педагогических институтов министерств высшего образования СССР и РСФСР и Министерства просвещения РСФСР, научно-исследовательских институтов республиканского подчинения, музеев и других учреждений культуры союзного и республиканских министерств. Кроме многочисленной делегации ученых из Удмуртии в ее работе участвовали этнографы, архитекторы, музееведы и практические работники из Москвы, Ленинграда, Таллина, Йошкар-Олы, Казани, Петрозаводска, Саранска, Сыктывкара, Уфы, а также из Архангельска, Печоры, Клайпеды, Тарту и других городов. Всего было заслушано и обсуждено 37 докладов и сообщений.

Тематика выступлений на секции отличалась значительным разнообразием и в целом отразила большинство направлений советской этнографической науки.

Несколько докладов было посвящено этноисторической проблематике и вопросам этнодемографической структуры финно-угорских народов. Их авторы охарактеризовали особенности развития этих проблем у различных этносов, влияние этнических контактов, изменений социально-экономической структуры, культурных традиций и особенностей быта, экологического фактора на формирование и этническую историю изучаемых народов. Р. З. Я н г у з и н (Уфа) проанализировал численность и расселение удмуртов на территории Башкирии в XVIII—XX вв., О. М. Ф и ш м а н (Ленинград) — формирование и этническое развитие верхневолжских карел, В. И. В а с и л ь е в (Москва) — роль угорского компонента в формировании сибирских ненцев, Н. Ф. М о к ш и н (Саранск) показал глубокие культурные связи обеих этнических групп мордвы с русскими, В. Н. К о р о л е в (Печора) рассказал о проникновении коми-переселенцев на северовосток Сибири. Отмечая значительные успехи в изучении этнодемографических процессов у отдельных народов Поволжья, Х. Х. С а р в (Тарту) указал на важность их рассмотрения в целом по Урало-Поволжскому историко-этнографическому региону. И. Л. Ж е р е б ц о в (Сыктывкар) осветил роль миграций в этнической истории коми.

Значительный интерес у участников секции вызвали доклады, посвященные не имеющим пока однозначного решения в исторической науке вопросам оценки этапов развития этносоциальных организмов в аспекте разработанной советской этнографической наукой концепции стадийальных (формационных) типов этноса. Острую дискуссию вызвал доклад К. Н. С а н у к о в а (Йошкар-Ола) о формировании марийской социалистической нации. По мнению докладчика, к марийцам еще в начале 1940-х годов был более применим термин «народность», а не «нация». Иное мнение высказал В. А. Ю р ч е н к о в (Саранск), полагающий, что народы Среднего Поволжья, входившие в состав Российской империи, находились на той же стадии социально-экономического развития, что и русские. Это положение докладчика вызвало справедливую критику участников дискуссии.

Значительное место в работе секции заняла тема развития материальной культуры финно-угорских народов и ее взаимодействия с материальной культурой соседнего населения. П. П. М е д в е д е в (Петрозаводск) рассказал о взаимовлиянии в планировке населенных пунктов и жилых построек русских и карел Поморья, которое он выделяет в качестве особого историко-этнографического региона Русского Севера. К. К. Л о г и н о в (Петрозаводск) выделил специфический пласт прибалтийско-финских (главным образом карельских) заимствований в традиционной материальной культуре русских Заснежья, Т. А. Н е ч а е в а (Петрозаводск) охарактеризовала формирование объемно-планировочных архитектурных решений жилищ различных финно-угорских народов, отметив утрату традиционных деталей в конструкции, интерьере и оформлении жилых помещений и присутствие в них разного рода новаций. Более подробно аналогичные явления в жилище коми-зырян проанализировал И. Н. Ш у р г и н (Москва). Г. А. С е п е в (Йошкар-Ола) привлек внимание присутствующих к развитию планировочной структуры марийской усадьбы, В. Ф. В а в и л и н и С. Б. П и с а р е в (Саранск) предложили оригинальную методику для определения региональных особенностей организации жизненного пространства сельского населения в современных условиях (жилой дом —

сельское поселение — ареал поселений) и обратили внимание на возможность ее использования для оценки условий развития этнических процессов в различных регионах.

Несколько докладов было посвящено исследованию традиционной одежды финно-язычных народов Поволжья и Приуралья. На соотношении нового и традиционного в современной одежде финно-угорских народов региона остановилась Л. С. Христолюбова (Ижевск). Как показал докладчик, изменения, происходящие в этой сфере материальной культуры, характеризуются исчезновением ряда традиционных элементов, однако повсеместно сохраняется тенденция использования национальной одежды в качестве праздничной. Эти положения нашли подтверждение и в сообщении Т. Л. Молотовой (Йошкар-Ола), выполненном на основе изучения марийских материалов. Использованию вышивки в традиционном костюме северных удмуртов посвятила выступление И. А. Косарева (Ижевск); Г. И. Соловьева (Йошкар-Ола) рассказала о месте народных традиций в современном декоративно-прикладном искусстве марийцев.

Об изменениях в питании финно-угорских народов Волго-Камья рассказала Е. Я. Трофимова (Ижевск), проследившая процесс сближения традиций питания народов региона, пополнение повседневного и праздничного пищевых рационов кулинарными блюдами других народов СССР.

Выступление Г. К. Шкляева (Ижевск) было посвящено проблемам «городской этнографии». Как показал докладчик, распространенное мнение о влиянии города на снижение «этничности» переселенцев из села, по свидетельству материалов статистико-этнографических обследований, проведенных в Удмуртской АССР, по ряду параметров, требует пересмотра. Так, среди горожан-переселенцев первого поколения в условиях ограниченного внутринационального общения наблюдается усиление интереса к национальной материальной и духовной культуре, родному языку.

Значительное место в работе секции заняли вопросы функционирования традиционной духовной культуры финно-угорских народов в современных условиях. Три доклада были посвящены народному танцу. М. Я. Жорницкая (Москва) выявила как общие для самодийских народов черты хореографии, так и различия, связанные со своеобразием традиционных обрядов и праздников. Н. Д. Мусина (Казань) на основе изучения народной хореографии удмуртов проследила их исторически сложившиеся контакты с русскими и татарами. О функциях танца в современной свадебной обрядности восточных марийцев сообщила Л. И. Нагаева (Уфа).

П. П. Бельский (Кляйпеда) на основе анализа традиций народного сценического искусства летто-литовских и финно-угорских народов указал на сходство мироощущения этих народов и их художественного мышления. Докладчик полагает, что традиционные сценические формы народного театра могут стать основой для развития и углубления профессионального театрального мастерства. Творческое использование и осмысление их выдвинуло литовский драматический театр в число передовых коллективов не только в нашей стране, но и в Европе. Большой интерес вызвали сообщения Т. Г. Миннихметовой (Ижевск) о песенном репертуаре удмуртов одной из деревень Башкирской АССР в условиях взаимодействия трех этносов, а также А. Н. Голубковой и А. М. Карпова (Ижевск), проследивших контакты удмуртов с другими народами на основе изучения традиционных музыкальных инструментов.

Два доклада были посвящены народным знаниям: И. В. Ильина (Сыктывкар) проанализировала влияние флоры и фауны края, занятий населения на народную медицину коми-зырян, которую она рассматривает как один из механизмов адаптации человека к окружающей среде; Н. Д. Коначов (Сыктывкар) ознакомил присутствующих с древней, доюлианской календарной системой коми, основанной на промысловых занятиях населения и отражающих мировоззрение аборигенных обитателей европейского Северо-Востока.

С интересом были встречены доклады о традиционных культах. Н. С. Попов (Йошкар-Ола) говорил об особенностях культа марийского племенного божества «кугурак». Он отметил черты эволюции этого культа в процессе социально-экономического и культурного развития марийского этноса. В. Е. Бладыкин (Ижевск) на основе реконструкции космической модели мира удмуртов показал этнокультурную общность религиозно-мифологических компонентов их верований с мифологией и фольклором народов Поволжско-Приуральского региона. В. В. Напольских (Ижевск), проанализировав данные о распространении мифов о ныряющей птице — сюжета, встречающегося как у финно-угорских народов, так и у коренных народов Сибири и Северной Америки, пришел к выводу, что его первоначальными носителями были компоненты сибирского происхождения, вошедшие в состав дрезних уральцев еще в период формирования этой этнолингвистической общности.

Часть докладов была посвящена анализу семейно-брачных отношений у народов изучаемого региона, влиянию этнических традиций на их семейную жизнь. Было заслушано сообщение В. Д. Шарова (Йошкар-Ола), содержащее анализ отношений в марийской семье XIX — начала XX в., базировавшихся на глубоких общинных традициях практически во всех сферах быта. Сочетание нового и традиционного в семье народов Среднего Поволжья — тема доклада Т. П. Федянович (Москва). М. Б. Рогачев (Сыктывкар) остановился в своем выступлении на характере взаимоотношений членов семьи у коми-зырян и положении женщины в семье. Роли этнических традиций в определении норм брачного возраста у ряда народов Поволжья посвятил выступление Д. М. Исхаков (Казань), пришедший к выводу, что и в наши дни еще достаточно широко проявляется тенденция к ранним бракам.

На конференции были представлены также антропологические доклады. Один из них (И. М. Золотарева, А. А. Зубов, Москва) прочитан на пленарном заседании, четыре (Ю. Д. Беневоленская, А. И. Дубов, Н. И. Халдеева, Ю. В. Шнейдер) — на секции антропологии и генетики, два — на секции «Этногенез удмуртского народа» (Н. А. Дольнова, Г. В. Рыкушина).

Почти для всех докладов, основанных на антропологических материалах, характерны широкий охват территории и этносов финно-угорской языковой общности, привлечение большого объема общего банка данных по финно-уграм, причем весьма разнообразных по системам признаков (краниологических, соматологических, дерматоглифических, серологических).

В докладе И. М. Золотаревой и А. А. Зубова было обращено внимание на то, что финно-угорские народы не представляют в антропологическом отношении единства, в ряде случаев резко различаясь по особенностям физического типа. Имеется явная векторная направленность усиления «восточных» черт с запада на восток как отражение древнего генетического родства финно-угорских популяций, при этом и в современном населении вплоть до территории Финляндии прослеживаются антропологические черты восточного влияния. Это позволяет предполагать существование древнего антропологического субстрата, легшего в основу формирования антропологической характеристики современных финно-угорских народов.

В докладе Н. И. Халдеевой (Москва) были проанализированы взаимосвязи двух основных одонтологических типов, распространенных среди финноязычных народов, северного грацильного и североευропейского реликтового. Оба типа являются вариантами западного одонтологического ствола. Разнообразие одонтологических характеристик финно-угров могло сложиться при взаимодействии ряда типологических комплексов на протяжении тысячелетий в процессе метисации (и изоляции).

Ю. Д. Беневоленская (Ленинград) вновь привлекла внимание к краниологии саамов СССР, Финляндии, Норвегии. Она выделила две ветви связей саамов с древним населением Европы; одна тяготеет к древнему населению Северо-Западной и Средней Европы, другая указывает на связи с территорией Приуралья. По мнению Ю. Д. Беневоленской, после исследования значительного материала по саамам трех стран нет возможности выделить какой-то единый, исходный тип саамов, так как уже с эпохи мезолита на окраинных территориях Северной Европы существуют морфологические типы, имеющие разные направления связей западной и восточной ориентации.

В докладе Ю. В. Шнейдера, И. А. Лебедевой, В. Н. Петрищева (Москва) были продемонстрированы данные о генетико-биохимическом полиморфизме девяти финно-угорских этносов, на основании чего сделана попытка выявления последовательности дифференциации древней генетической прафинно-угорской общности на отдельные ветви. Как первичная дивергенция рассматривается разделение финно-пермской и угорской ветви. Заслуживает внимания вновь отмеченное обособленное положение лопарской группы в системе генетических расстояний: саамы оказались равноудалены и от финских и от угорских народов, что позволяет авторам считать особенности морфологии саамов древнее собственно финно-угорских.

А. И. Дубов (Москва) охарактеризовал удмуртов северной и центральной части республики по описательным расодиагностическим признакам, определенным на детском контингенте (средний возраст 13—14 лет). Представленные наблюдения можно рассматривать лишь в сочетании с характеристикой взрослого населения, которое еще нужно провести в будущем. Наблюдения автора об особенностях пигментации детей удмуртов требуют сравнения с однородными выборками (по возрасту) других этносов, чего не было сделано. Поэтому соображения А. И. Дубова вызвали справедливые замечания об отсутствии соответствующего сравнительного фона, а также не оправданное в

данном случае отступление от общепризнанной программы определения антропологического типа, проводимого на контингентах взрослого населения.

В ходе работы секции, в выступлениях и во время прений был выдвинут ряд предложений и рекомендаций, вошедших в решения конференции. В частности, были поставлены вопросы о необходимости расширенной подготовки этнографических кадров в автономных республиках Поволжья, ускорения создания этнопарков в республиканских центрах, усиления внимания к изучению влияния урбанизации на этнические процессы и др. Было поддержано предложение А. Ю. Петерсона (Тарту) и В. И. Васильева (Москва) о своевременности постановки перед директивными органами РСФСР вопроса об организации национальных единиц (сельсоветов) в местах проживания малочисленных финно-угорских и самодийских народностей, и в первую очередь вепсов, саамов, иганасан, селькупов.

Интересной и содержательной была культурная программа конференции. Ее участники побывали в Республиканском краеведческом музее, который с октября 1986 г. раз в два месяца проводит тематические «музейные пятницы». На этот раз вечер был посвящен удмуртскому народному костюму. Участники конференции смогли также посетить IV республиканский праздник фольклора «Родниковому краю — духовную щедрость народа» и концерт Государственного ансамбля песни и танца Удмуртской АССР «Италмас».

**В. И. Васильев, И. М. Золотарева,
Т. П. Федянович, Г. К. Шкляев**

СИМПОЗИУМ «АРМЯНСКИЕ ОБЩИНЫ В СТРАНАХ ЗАПАДА И „ТРЕТЬЕГО МИРА“» (Ереван, 5—6 октября 1987 г.)

Симпозиум проводился совместно Комитетом по культурным связям с армянами за рубежом и Отделом истории и культуры зарубежных армянских общин АН Армянской ССР. Ведущим на всех заседаниях был председатель комитета и заведующий отделом К. Л. Даллакян, председателем оргкомитета симпозиума — заведующий сектором социальных исследований Э. Л. Мелконян. Симпозиум собрал представителей крупных общин армянской диаспоры — американской и канадской, исследователей из четырех университетов и трех научно-исследовательских институтов. Некоторые из них впервые оказались в Армении, всех волновали проблемы сохранения и развития армянского этноса, и поэтому даже простой обмен опытом оказался бы для них чрезвычайно ценным и плодотворным. Однако оргкомитет поставил перед собой более существенную задачу: исследовать этнозащитный механизм в целом и его действие применительно к конкретным армянским группам за рубежом, оценить роль тех или иных этнозащитных факторов в условиях армянского зарубежья¹.

Для этой цели были привлечены докладчики из Института этнографии АН СССР, даже не занимающиеся непосредственно армянами. Их выступления давали интересный сопоставимый материал по другим этническим группам, сохраняющимся в условиях инонационального окружения и чуждой государственности: русским старообрядцам в Северной Америке (Л. П. Кузьмина, Москва) и японцам в странах Латинской Америки (С. А. Арутюнов, Москва). Приведенные примеры этнического развития позволяли широко обсудить проблемы: 1) формирования и выживания этнического изолята, 2) влияния национального государства на общины того же народа за рубежом, 3) становления двойственного этнического самосознания.

Доклад С. А. Арутюнова привлек большое внимание попыткой установить корреляции между численностью этнической группы в инонациональной среде, ее отношением к родине (в данном случае Японии) и устойчивостью к ассимиляции окружающим этносом. Автору удалось продемонстрировать прямую зависимость между этими тремя условиями существования этнического меньшинства и тем самым наметить возможность прогнозирования его этнических судеб. Особенно актуальны его выводы были для представителей крупных американо-армянских общин, ощущающих себя на сегодняшний день в кризисном положении. Обсуждение перспектив развития армянской диаспоры за-

¹ Социологические исследования. 1987. № 1. С. 148.